

Глава 24: Ночной страх

Шокирующее чудовище ринулось вперед, но Северн ловко увернулся от атаки, шипя сквозь стиснутые зубы, когда жгучая боль пронзила его нервы – острые когти монстра задели его кожу.

У него не было никакой профессиональной боевой подготовки.

Хотя он настаивал, его отец непреклонно отказывался обучать семейному боевому стилю, не раскрывая причины.

– Сын мой, однажды ты окажешься в разломе и обнаружишь даже лучшее боевое искусство, которое станет твоим фамильным достоянием. Обучать тебя моему было бы большой несправедливостью, – сказал его отец, его слова были обременены, а выражение лица суровым, когда этот вопрос возникал.

Поэтому Северн оставил эту идею.

Как и магические искусства, боевые искусства непросты в освоении.

Большинство выдающихся боевых дисциплин возникли как «пути» – неотъемлемые культурные практики, известные коренным жителям других измерений.

Многое покрыто тайной, но очевидно, что некоторые павшие цивилизации были поглощены пожирающими разломами и их чудовищными обитателями, их миры исказились в новые ужасные домены.

Преобладающая теория предполагала, что, если когда-нибудь будет завоеван Тра-эль, он тоже может быть разорван на части в измерениальное пространство, высвобождая новую волну вторжения разломов на следующий мир.

Хотя это не было подтверждено, это казалось правдоподобным объяснением.

Примечательно, что те народы, которые были поглощены разломами, не обладали метафизическим концептом Ула, принятым в Тра-эле.

Тем не менее, квинтэссенция их боевых искусств, магических искусств и «путей» оставалась чрезвычайно мощной, экспоненциально возвышая силу скитальцев.

Престижные дворяне и королевские семьи тщательно охраняли свои уникальные боевые дисциплины, овладение которыми служило своего рода знаком гордости и статуса.

Практически в каждом домохозяйстве, независимо от ранга, была какая-то форма унаследованного искусства – низкого или высокого качества.

Даже незначительный барон гордился своими скромными приемами, реликвиями предков, которые блуждали по мирам и возвращались с тяжело добытыми трофеями.

Но некоторые грозные кланы выделялись особо, их выдающееся мастерство граничило с легендарным.

Кагеяма со своими фирменными вороньими эмблемами и кроваво-красными глазами были всеобщими мастерами смерти.

Их огромная сила внушала трепет даже монархам, ведь этот мстительный дух-клан скитался между землями, их влияние соперничало с государствами.

Куда бы ни взвился вороний стяг, сердца заполняли ужас и благоговение, ибо никто не мог противостоять им, не навлекая на себя гибель.

Патриарх клана восседал среди элиты человечества – Великий мастер, коих в мирах было ничтожно мало.

Получение души ранга «Бестелесный» даровало им титул, зарезервированный за высшей человеческой потенциалом.

Ходили слухи о мифической душе, которая якобы вознеслась даже выше «Бестелесного» к легендарному рангу «Сияющий», как предрекал сам Ул, но это оставалось непроверенной легендой на протяжении тысячелетий.

По всем практическим целям, Великие мастера «Бестелесного» правили как непревзойденные смертные завоеватели величайших достижимых высот – высокомерная каста, в которую входил и внушающий благоговение Ругсбург.

Северн отступал, сердце гулко колотилось, когда он в ужасе смотрел на нависающее над ним чудовищное порождение.

Четыре полых багровых глаза впились в него с хищным сосредоточением, сверкая садистским намерением.

Он никогда не видел, да и не мог себе представить, такого кошмарного ужаса даже в самых страшных снах.

Если зверь-бедствие, с которым он сражался вместе с отцом, мог показаться приемлемым, то

это создание было извращенной карикатурой на саму природу.

Злобная аура, окутывающая пещеру, пронзила Северна до костей, ледяные тенета страха куда сильнее парализовали его, чем когда он столкнулся с существом-бедствием.

Тогда, по крайней мере, его не пробирали такая леденящая дрожь до мозга костей.

Каждое тяжелое мышечное волокно говорило ему, что этот монстр несравнимо превосходит ту прошлую угрозу.

«Мне не выжить...»

Он оценил ситуацию с безжалостной честностью.

Видя, с каким трудом трем его отцам едва удалось одолеть существо-бедствие лишь чистой удачей, как же безнадежно пытаться одолеть существо, во столько раз более грозное, да еще будучи неопытным скитальцем без боевых навыков и ядра души?

Смерть маячила неизбежно, ее тень уже надвигалась.

Дрожащие пальцы Северна крепче сжали жалкий потрошительский нож, его разум метался между паникой и отчаянием.

Перед лицом этого чудовищного порождения его ничтожное лезвие не более чем зубочистка.

Но он не мог смириться, не мог сдаться без борьбы, не мог выпустить свою упрямую хватку за эту жизнь.

Разум сражался с примитивной, пылающей искрой вызова, жгущей его душу.

Реальность его безнадежного положения яростно боролась с той иррациональной, неугасимой волей сражаться, бороться отчаянно до самого последнего вздоха – несмотря ни на что.

Хотя этот страшный путь привел его через собственную самую мрачную долину борьбы с раком, испытание, которое горько научило его тщете надежды, сейчас он изо всех сил цеплялся за эту презируемую человеческую слабость.

Она воплотилась в крепко зажатом ноже для потрошения, в упрямом огоньке, яростно горящем в бледно-голубых глазах.

Уловив этот взгляд, уродливая морда чудовища исказилась в хмурую гримасу, прежде чем оно

ринулось с ошеломляющей быстротой.

Инстинкт подтолкнул Северна в отчаянные хаотичные движения, он пригибался, увертывался, размытые воспоминания уроков отца смутно отдавались в мышечной памяти.

Толстый хвост монстра просвистел в воздухе, словно косящий клинок, ветер от его пролета ласково коснулся щеки Северна с летальной близостью.

Но неумолимый зверь двигался с неестественной, текучей грацией, зловещий рык предварял его следующий размытый бросок, когда зубы, покрытые слюной, клацнули в дюйме от лица Северна.

Его сердце грохотало в ребрах, когда он размашисто взмахнул ножом в отчаянной надежде на чудесное попадание.

Но чудовище презрительно отбило эту жалкую атаку, его зазубренные когти яростно полоснули по боку Северна, обжигая невыносимой болью.

Он пошатнулся назад, задыхаясь, его зрение плыло.

Неумолимый монстр надвигался, четыре злобных глаза сузились в хищном удовлетворении.

Вложив остаток сил в последний безрассудный бросок, Северн метнул потрошительский нож к горлу зверя обеими руками – но тот пренебрежительно отразил удар ленивым взмахом.

Его свободный набор рвущих когтей сомкнулся на горле Северна, как душащая удавка, легко оторвав того от земли.

Мистер Пушистый бросился вперед с испуганным писком, увидев, как Северн пойман в сжимающей хватке чудовища – но пренебрежительное движение его мощного хвоста отшвырнуло несчастное создание прочь.

В тускнеющем зрении Северна мелькнула жестокая, торжествующая ухмылка Ночного ужаса, последний образ, запечатлевшийся в его слабеющем сознании, прежде чем его поглотило забвение.